

Су Сян почти кричала. Муж, с которым она прожила десять лет, вдруг стал казаться ей чужим человеком.

Гу Сэнь продолжал улыбаться, но в этой улыбке проступила некая безысходность, словно у мужа, терпеливо сносящего капризы жены. Дождавшись, пока Су Сян закончит, он шагнул к ней и, не говоря ни слова, заключил в объятия. Его широкая ладонь мягко поглаживала её по спине. Лишь когда он почувствовал, что её эмоции пошли на спад, он слегка отстранил её и с болью в сердце принялся вытирать слёзы с её глаз.

— Ты же знаешь, что у жены Хэйгуя скоро роды. Он любит её больше жизни и сказал, что придет только тогда, когда она благополучно родит, — он тяжело вздохнул. — Раз уж ты узнала про воду, я больше не стану ничего скрывать.

Обычному человеку крайне трудно избавиться от этой зависимости. Врачи давно предупреждали, что его организм не выдержит таких испытаний. За те десять лет, что его не было рядом, мы даже не знаем, сколько раз ему вводили эту отраву. Ты задумывалась о том, что будет, если он не выдержит, а мы перестанем её давать? По крайней мере, сейчас он жив, и ты можешь его видеть.

— Почему ты не сказал мне раньше? — Су Сян была не из тех, кто не понимает очевидных вещей. Теперь, после объяснений Гу Сэня, её гнев утих. Она прижалась к груди мужа, сжимая в кулаках его одежду так сильно, что побелели костяшки пальцев, и прошептала охрипшим голосом: — Ты не представляешь, как мне было больно и горько видеть, как у него на глазах начиналась ломка. Ему всего пятнадцать, вся жизнь впереди, что же его ждёт дальше?

— Ну всё, не плачь, не плачь. У меня есть для тебя хорошие новости: жена Хэйгуя сегодня днём благополучно родила сына. Он уже вылетел сюда, должен быть к рассвету.

— Правда?

— Разве я стал бы тебя обманывать? Посмотри на свои красные глаза, сегодня ты явно пролила немало слёз. — Он легонько коснулся указательным пальцем кончика её носа и позвал слугу, приказав принести тёплое полотенце.

— Чжочжо, поспи немного, прежде чем идти к нему, иначе твой организм не выдержит, — с тревогой прошептал Гугу. Ему было жаль Гу Чжо, который провёл две последние ночи у постели Гу Шэна, боясь, что в любой момент может начаться приступ и тот причинит себе вред.

— Хорошо.

Гу Чжо собирался вернуться в комнату, принять душ и снова идти на дежурство, но, услышав слова Гугу, понял, что тот прав. В конце концов, он сейчас — обычный человек, подверженный болезням и смерти.

— Чжочжо, спи спокойно, я разбужу тебя через час, договорились?

— М-м.

Он лёг на кровать и постепенно погрузился в сон.

Возможно, он привык к тому, что Гу Чжо охраняет его сон, и даже без слов чувствовал себя в безопасности.

Гу Шэн сидел на кровати, не зная, сколько раз уже посмотрел на часы. Каждый раз, глядя на время, он бросал взгляд на дверь, но результат оставался прежним — он не пришёл.

Невозможно было описать то гнетущее чувство, что засело у него внутри.

Словно назло, Гу Шэн встал, подошёл к выключателю и с щелчком погасил свет. В комнате мгновенно стало темно.

Но всё равно оставался свет!

Он ненавидел свет, ненавидел всё, что излучало белое сияние.

Нахмурившись, он задёрнул все шторы. В комнате воцарился такой мрак, что не было видно даже собственных пальцев. Только тогда его брови наконец расслабились.

Он не вернулся на кровать, а, ориентируясь по памяти, пробрался в узкий проём между стеной и прикроватной тумбочкой, где едва мог поместиться человек, и, прислонившись к стене, опустился на пол.

Обхватив колени руками, он прижался к ним лбом. В тишине комнаты было слышно лишь его прерывистое дыхание.

В психологии такая поза считается защитной — это признак крайней нехватки чувства безопасности.

Вскоре в комнате послышались тихие всхлипы, словно раненый зверёк в темноте в одиночку зализывал свои раны.

Гу Чжо толкнул дверь и вошёл внутрь. Его встретила густая чернота и донёсшийся до слуха скорбный плач.

— Чжочжо, он плачет!

<http://bllate.org/book/18601/1791250>